
В. К. Косс
ПОСЛЕ РАЗВОДА
МНЕ ДОСТАЛСЯ
ДЕМОН.
АНГЕЛА ЗАБРАЛА
ЛЮБОВНИЦА

В.К. Косс

ПОСЛЕ РАЗВОДА МНЕ ДОСТАЛСЯ ДЕМОН. АНГЕЛА ЗАБРАЛА ЛЮБОВНИЦА

https://litres.ru/74839863
SelfPub; 2026

Аннотация

В три семнадцать ночи ко мне пришла бывшая свекровь.

В ее сумке лежала вырванная дверная ручка. За спиной тянулся коридор, которому не было места в нашем доме.

— Ника, только не говори ему, что я здесь.

Восемь лет эта женщина объясняла, что я неправильно живу. Теперь она дрожала на моем пороге и боялась собственного сына.

После развода я собиралась сменить замки и привыкнуть спать одна. Но на моей кухне уже жил Ян. Варил отвратительный кофе. Принимал ночных гостей. Называл себя демоном.

Он давал приют людям, которых однажды попросили исчезнуть. В этом доме такие просьбы исполнялись буквально.

У Яна было прошлое, после которого доверять ему казалось безумием. За помощью я обратилась к ангелу: когда-то он вывел меня из горящего архива. Я знала, что ему можно верить.

Поэтому сама попросила забрать демона.

И сама закрыла за ним дверь.
Той ночью коридор за моей дверью перестал заканчиваться.
Чтобы вернуть Яна, мне придется...

Содержание

ЧАСТЬ I. КВАРТИРА С ЖИЛЬЦОМ 5
Глава 1. Свободна от проживающих 5
Глава 2. Кофе для нежеланных 12
Глава 3. Женщина, которой я не рада 18
Глава 4. Ангел в новом доме 24
Глава 5. Последняя работа для бывшего 30
Глава 6. Вы меня туда отвели 34
Конец ознакомительного фрагмента. 39

В.К. Косс
ПОСЛЕ РАЗВОДА МНЕ ДОСТАЛСЯ ДЕМОН. АНГЕЛА ЗАБРАЛА ЛЮБОВНИЦА

ЧАСТЬ I. КВАРТИРА С ЖИЛЬЦОМ

Глава 1. Свободна от проживающих

В соглашении о разводе было написано: «Квартира передается свободной от проживающих». Мужчина на моей кухне с этим явно не соглашался.

Он стоял у плиты в белой рубашке с закатанными рукавами и ждал, пока поднимется кофе. На столе лежал надкушенный ржаной сухарь. Рядом с ним — мое свидетельство о праве собственности, которое я оставила здесь днем, пока принимала доставку.

Я остановила чемодан ногой. До выхода было три шага.

Мужчина находился дальше и не двигался ко мне.

— Кто вы?

— Ян. Кофе будете?

Я достала телефон и включила видеозвонок.

— Оля, я в квартире. Здесь посторонний. Мужчина, примерно сорок лет, темные волосы. На левой руке ожог.

— Тридцать восемь, если примерно, — сказал он.

— Ты еще там? — спросила Оля. — Выходи. Я вызываю.

— Я сама вызову. Побудь на связи.

Я открыла входную дверь, проверила, свободна ли лестница, и вышла на площадку. Он не пошел следом. Через кухонный проем было видно, как кофе убежал на плиту.

— Хоть огонь выключите, — сказала я.

Он выключил.

Пока я набирала участкового, с первого этажа поднялась женщина в зеленом вязаном жилете. В руках у нее была тарелка с двумя пирожками.

— Что, уже познакомились? — спросила она.

— Вы его знаете?

— Знаю. И ваши грузчики мне стену ободрали. Это я тоже знаю.

Женщина представилась Раисой Михайловной. Велела называть Раей: отчество, по ее словам, создавало ложную надежду на терпение. Ян помогал ей после затопления, жил здесь давно, по какой договоренности — она не знала.

— Документы у вас есть? — спросила я его из коридора.

— На квартиру — нет.

— Тогда вы уйдете.

Он вытер плиту и только после этого посмотрел на меня.

— Сейчас могу выйти. Но к ночи сюда придут люди. Нужно, чтобы кто-нибудь открыл.

— К вам?

— Не совсем.

Я показала ему экран с набранным номером. Он взял со спинки стула пиджак и прошел мимо, оставив между нами столько места, что мне пришлось отступить к стене лишь из-за чемодана.

— Ключ, — сказала я.

Он положил старый латунный ключ на тумбу.

— Не меняйте замок сегодня. Утром объясню, зачем он нужен.

— У вас было время объяснить, пока вы варили кофе.

— Да, — согласился он. — Я плохо начал.

Он спустился. Рая поставила пирожки на тумбу, как ставят цветы к месту происшествия.

— Не бойтесь. Я внизу, в четвертой. Если что — стучите сильно, слух уже не театральный.

Я заперла дверь на оба оборота и еще на цепочку. Оля заставила меня осмотреть комнаты, не выключая камеру. В спальне находились только коробки. В ванной никто не прятался. Узкая дверь кладовки у кухни не открылась: изнутри ее удерживал засов.

— Вот это мне не нравится, — сказала Оля.

Мне тоже. Я приложила ухо к филенке. За ней что-то негромко звякнуло.

— Там трубы, — произнесла я, не зная, кому предлагаю это объяснение.

В договоре значились две комнаты, кухня и кладовая. На плане кладовая заканчивалась глухой стеной. Я сфотографировала дверь, позвонила Матвею и получила сообщение: «На встрече. Что срочное?»

Я написала про Яна.

Ответ пришел почти сразу: «Ника, ты теперь сама решаешь вопросы по своей квартире».

Эту фразу мы обсуждали с юристом. Тогда она казалась мне подарком.

Я не стала посылать второе сообщение. Вызвала слесаря на утро, придвинула к двери кладовки комод и пошла мыть чужую чашку. От кофе пахло горелым кардамоном. На блюдце остался мокрый круг, будто гость только что поднял чашку, хотя с его ухода прошло уже полчаса.

В прихожей под защитным картоном обнаружилась наша мозаика. Восемь лет назад мы с Матвеем выкупили разобранный пол из сносившейся оранжереи. Я три лета собирала фрагменты, составляла рисунок, подбирала утраты. Матвей привозил тяжелые коробки и называл их моими драгоценными камнями.

После развода он первым предложил оставить мне зад-

нюю квартиру вместе с полом.

— Все равно никто, кроме тебя, не поймет, чего это стоило.

Я приняла это за щедрость. Теперь, сидя на корточках возле синей керамической ласточки, я впервые подумала, что ему просто было неудобно ее вынимать.

В парадном крыле за двором горели окна. Оттуда доносился короткий смех и стук посуды: кто-то праздновал окончание ремонта. Наши прежние окна находились этажом ниже этого света. Новая квартира выходила на водосточную трубу, кирпичный брандмауэр и маленькую мастерскую Раи внизу. До улицы — через арку справа; до парадного входа — обойти дом. Старые служебные лестницы между крыльями были заложены. По крайней мере, так выглядело на обмерном плане.

Я съела один пирожок над раковиной и впервые за неделю не стала ждать звонка Матвея.

Спала я на матрасе среди коробок. Перед сном проверила замок три раза. Когда за стеной затихли трубы, мне показалось, что в кладовке кто-то перевернул стул.

Звонок раздался в 03:17.

Я сразу посмотрела на телефон. Вызовов не было. Звонили в дверь.

— Кто?

— Ника.

Я узнала голос раньше, чем подошла к глазку, и от этого

стало досадно. Некоторые люди умели находить меня даже после развода с их сыном.

Лидия Сергеевна стояла на площадке в домашнем пальто, застегнутом криво. Одной рукой прижимала к груди сумку. Второй держалась за косяк.

— Вы откуда?

— Открой.

Обычно это звучало приказом. Сейчас последнее слово сорвалось, и я увидела в глазок, как она попыталась переставить ногу и не смогла.

Я сняла цепочку.

Сумка упала прежде, чем она переступила порог. Из нее выпали тюбик крема, пенсионное удостоверение и дверная ручка вместе с рваной щепой. На щепе осталась кровь.

Лидия Сергеевна посмотрела не на меня, а в глубину квартиры.

— Он здесь?

— Кто?

В коридоре за ее спиной светилась вторая лампа. Днем там была одна: площадка в три шага, окно и лестница налево. Сейчас лампы уходили далеко, одна за другой, а между ними чернели одинаковые двери.

Я потянула свекровь за рукав. Она вскрикнула, но вошла. Подол пальто на секунду остался по другую сторону, натянулся и отпустил, словно кто-то передумал его удерживать.

— Надо Матвею позвонить, — сказала я.

Она схватила меня за запястье. Ее пальцы были так холодны, что я почувствовала каждый ноготь.

— Ника, только не говори ему, что я здесь.

Глава 2. Кофе для нежеланных

Я закрыла дверь, не выпуская свекровь из поля зрения. Потом проверила глазок. Обычная площадка: единственная лампа, облупленная краска на перилах, окно с трещиной. Второй лампы больше не было.

— Садитесь. Вы ранены?

— Не стой надо мной.

Она опустилась на стул и принялась собирать выпавшие вещи. Дверную ручку сунула в сумку первой. На ладони виднелись длинные занозы.

Я принесла воду и аптечку. Когда положила на стол пинцет, Лидия Сергеевна отодвинула руку.

— Это ты себе оставь. Вечно все по отдельным пакетикам.

Три года назад она называла мою работу возней с черепками. В прошлом июне объяснила гостям, что детей у нас нет, потому что я слишком занята чужими полами. Я собиралась когда-нибудь ответить ей спокойно и точно. Ночью на моей кухне нужные слова по-прежнему находились легко.

Вместо них я сказала:

— Заноза уйдет глубже. Дайте руку.

Она дала.

В 03:26 постучал Ян. Не позвонил, а дважды ударил костяшками по дереву.

Я спросила, где он был.

— У Раи. Подождал, пока вы откроете. Можно войти?

— Вы знали, кто придет?

— Нет.

Я впустила его, придерживая дверь ногой. Лидия Сергеевна перестала дергаться под пинцетом.

— Это вы? Вы мне оставили свет?

— Да. Вы пошли через прачечную?

— Там опять оказался тот стол. Три раза. Я думала, у меня с головой.

Ян присел напротив нее.

— Сколько суток?

— Не знаю. Я спала в кресле. Потом кресло куда-то делось.

— Ели?

Она покачала головой. Я подогрела второй пирожок, порезала его и поставила перед ней. Она рассердилась, что я режу ей еду, но съела все до крошки.

С моего разрешения Ян отодвинул комод от двери кладовки, потом потрогал старый замок в прихожей. В кладовке щелкнул засов.

— Не открывайте, — сказал он. — Сегодня с той стороны воды по щиколотку.

Я стояла с окровавленной ваткой в руке.

— По плану там шкаф глубиной метр двадцать.

— Днем — да.

— Кто вы такой?

Он помолчал, выбирая, как мне показалось, приемлемую ложь.

— Демон.

Лидия Сергеевна начала смеяться. Резко, слишком громко. Потом смех застрял, и она прижала салфетку ко рту.

Я не засмеялась. Демон или самозванец, Ян знал про коридор больше меня.

— Тогда почему вы помогаете?

— Я здесь открываю обратную дверь.

Он объяснял без торжественности. Люди, которых выставили при участии ангела, не всегда попадали на улицу. Их оставляли между порогами — в ночной части квартала. Дом сохранял коридоры, которых давно не было, и сводил их так, что ходить можно было часами. Утром выход исчезал. До следующего открытия приходилось искать место, которое не закроется вместе с дверью.

— Лидию Сергеевну кто выставил?

Он посмотрел на нее.

— Сын, — произнесла она. — Сказал, что я порчу ему жизнь. А тот стоял рядом. Светлый такой. Я еще спросила, почему он в обуви.

Она оглянулась на мои босые ноги, словно хотела немедленно сделать замечание, но передумала.

— Матвей сказал: «Хочу, чтобы мать ушла и больше не возвращалась». И дверь закрыл. Я сначала решила, что к лифту иду. Там лифта не было.

Я набрала его, хотя Лидия Сергеевна просила не звонить. Вслух я ничего не обещала — и воспользовалась этой малодушной точностью.

Он ответил на четвертый вызов:

— Что случилось?

Я услышала шорох постели. Представила знакомый край одеяла у другого лица и заставила себя говорить.

— Твоя мать у меня. У нее повреждена рука. Приезжай.

— Мама в центре восстановления. Ты знаешь.

— Она сидит на моей кухне. Дать трубку?

— Ника, пожалуйста. Я оплачиваю хорошее место. Я не обязан каждую ночь слушать, что все сделал неправильно.

Лидия Сергеевна потянулась к телефону.

— Матюш, у меня ключи остались в синем…

Он отключился до того, как она договорила.

Я позвонила еще раз. Он сбросил и написал: «Утром».

Дальше было несколько часов, которые никак не хотели стать утром. Я достала подушку, но Лидия не легла. При каждом шорохе у двери она поправляла пальто, будто собиралась встать. Ян принес из кладовки свернутое одеяло. На одном его углу блестел иней.

Я попросила убрать это немедленно. Он вынес одеяло и вернулся с моим пледом, предварительно спросив разрешения.

В половине шестого я поставила чайник. Лидия встала за сахаром, и стул отодвинулся без нее.

Не резко, не как на фокусе. Я видела ее рукав у шкафа, а затем — только ручку шкафа сквозь место, где только что находилось плечо. Ложка упала. На линолеуме она зазвенела раньше, чем снова появилась рука.

Я схватила Лидию за локоть. Пальцы сначала сомкнулись в пустоте.

— Ян.

Он оказался рядом, прижал ее ладонь к столу. Под моими ногами едва слышно хрустнула мозаика.

— Смотрите на меня, — попросил он Лидию. — Скажите, что ели.

— Не издевайтесь.

— Что было в пирожке?

— Капуста. Слишком много перца.

Рука снова сделалась тяжелой в моей ладони.

За окном серел двор.

— Я могу удержать ее до рассвета, — сказал Ян. — Потом нужен живой хозяин, который сам пригласит ее в свой дом хотя бы на одну ночь. Не туда, откуда ее выгнали. Лично. По телефону не получится.

— Я же пустила.

— Дверь открыли вы. Но пока она здесь держится на моем переходе. Вы тоже можете пригласить ее остаться на ночь. Только скажите это ей самой, если действительно готовы.

Свекровь смотрела на меня. Я поняла, чего она ждет: сейчас я скажу, что она останется со мной, а потом найду, как

это устроить. Когда-то именно так начинались все наши семейные решения.

Я не сказала.

— Рая, — произнесла я. — Пойду спрошу Раю.

Глава 3. Женщина, которой я не рада

Рая открыла дверь в носках разного цвета и не пропустила меня дальше коврика.

— Пожар?

— Нет. Мне нужна помощь.

Она выслушала, глядя поверх моего плеча на лестницу. На слове «свекровь» ее лицо не изменилось. На словах «уже начинает пропадать» она вынула из кармана ключ.

— Ночь, значит. До завтрашнего утра. Послезавтра у меня сестра.

— Она пока не знает, куда потом.

— Я тоже не знаю, что потом. Ночь могу.

Наверх мы поднимались медленно. Рая хромала и злилась, когда я пыталась взять ее под локоть. Увидев Лидию, сразу спросила, храпит ли та. Свекровь обиделась так убедительно, что на несколько секунд снова стала целиком видимой.

До Раиной квартиры на первом этаже было четыре пролета. На одной из площадок находилась заложенная дверь в другое крыло. Днем я заметила на ней ящик с рекламой; теперь за кирпичом шумела вода.

Ян шел позади Лидии, не касаясь ее, но наклонял голову при каждом ее шаге. Пятка Лидии дважды опустилась без звука. На третьем шаге я подставила плечо.

— Не надо меня тащить.

— Тогда идите. Осталось немного.

Рая открыла свою дверь и встала внутри, оставив нам площадку.

— Лидия Сергеевна. Я вас приглашаю ко мне, в квартиру номер четыре, переночевать. Кровать в маленькой комнате. До завтрашнего утра вы мой гость. Согласны?

— Кровать нормальная?

— Согласны или нет?

Лидия кивнула и переступила порог.

Звук ее шагов вернулся сразу. Стукнули каблуки, зашуршала подкладка. Свекровь выпрямилась и заглянула в зеркало у вешалки.

Ян выпустил воздух. Я только тогда заметила, что все это время он дышал через короткие промежутки, будто давился.

— Теперь она не исчезнет? — спросила я.

— Приглашение принято. Дальше ей, как всем, придется искать, где жить.

Лидия уже смотрела на пыльный абажур.

— Посуду после себя моем, — сказала Рая прежде, чем она успела что-нибудь произнести. — И телевизор после десяти без звука.

Свекровь повернулась ко мне:

— Ты скажи Матвею, что это ненадолго. Он должен понять.

— Вы можете сами ему сказать.

— Он тебя слушает.

От этой несправедливости я едва не рассмеялась.

Я оставила свой номер, купила в булочной хлеб и молоко для обеих женщин и поднялась к себе. В прихожей стоял Ян с чашкой. Дверь он придерживал носком ботинка, не входя.

— Можно забрать вещи?

За несколько ночных часов мы оказались в нелепом положении: я уже знала о нем невозможное, но по-прежнему не знала, где он держит рубашки. Работая здесь над мозаикой, я ни разу его не видела.

— Вы только по ночам приходили?

— Почти всегда. А если вы задерживались, оставался на той стороне.

— Можно. Я вызвала слесаря на девять.

— Отмените, пожалуйста. Хотя бы до вечера.

В его голосе не было прежней небрежности. Это подействовало сильнее, чем ночные объяснения.

Я отменила заказ и немедленно пожалела: слишком легко было начать делать то, о чем просил чужой мужчина, если он просил усталым голосом.

— Только до вечера, — уточнила я.

Он кивнул.

Кладовка оказалась действительно кладовкой. Стеллаж, старый стул, две рубашки на гвозде. В глубине под трубой виднелась полоска плитки — не нашего пола, более ранней укладки, с красными ромбами по краю. Ян сел на корточ-

ки возле стены. Из-под плинтуса выскочила маленькая белая плитка.

По ту сторону стеллажа кто-то чихнул.

Я отпрянула. Ян уперся ладонью в пустой шов.

— Возьмите в ящике. С белой черточкой сзади. Пожалуйста, быстрее.

Я не сразу нашла нужную. Три почти одинаковых фрагмента лежали на вате. У одного на обратной стороне сохранился мазок старого раствора. Он совпадал со сколом в гнезде.

— Этот раньше стоял боком, — сказала я. — У вас рисунок перевернут.

— Поставьте, как надо.

Я вдавила фрагмент. Красная полоса сошлась, под пальцами потеплело. Стеллаж перестал отбрасывать две тени.

Из пустоты донеслось сердитое:

— Я еще носок не сняла!

— Мила, я через час принесу воды, — ответил Ян.

Я не двигалась. Теперь за стеллажом был отчетливо виден край двери. Не сама дверь — темная линия прежнего косяка, которая обрывалась на высоте моего плеча.

— Кто там?

— Женщина. Сегодня не смогли найти ей хозяина. До завтра я закрыл ей сухую комнату.

— А завтра?

Он потер шею.

— Снова будем искать.

Я присела возле шва. Белая плитка имела старый глазурованный бок: когда-то она действительно завершала порог. Я знала эту манеру укладки. Строитель оставлял ширину в целую плитку под дверной коробкой, и при последующем ремонте ее не стали вынимать.

— Вы не можете подставить новую?

— Могу. Будет похоже. Дорога не удержится.

Я достала бумагу для обмеров и зарисовала участок. Ян наблюдал молча. Когда я спросила, куда ведет бывшая дверь, он показал на заложенную лестницу между крыльями.

— Здесь проходили за бельем. До надстройки третьего этажа.

Я собиралась возразить: наш дом был четырехэтажным. Потом вспомнила кирпичный пояс над вторым этажом — разные размеры кирпича, раствор другого цвета. Я считала это ремонтом фасада.

На кухне закипела вода. Ян поставил передо мной чашку. Я попробовала и поморщилась.

— Вы это кому-нибудь уже давали?

— Вам ночью не досталось.

— Повезло ночью не только мне.

Он убрал свою чашку, посмотрел в нее с недоверием и впервые улыбнулся без готовой насмешки.

Внизу хлопнула дверь. Я подошла к окну. Рая и Лидия отправлялись к остановке: Рая впереди с хозяйственной сум-

кой, Лидия за ней, придерживая перевязанную ладонь. На улице люди обходили их как обычных женщин. Никто не проходил сквозь свекровь.

На телефоне появилось сообщение Матвея: «Твои коробки мешают монтажникам. Забери сегодня до шести. Арсений будет на месте, все отдаст».

Я перечитала незнакомое имя. Ответила, что приеду.

— У вас есть фамилия? — спросила я Яна.

— Ровен.

Я записала ее в блокнот под схемой кладовки. Рядом вывела: «Замок пока не менять. Узнать, кто дает приглашения и кто за это отвечает».

Потом дописала для себя: «Не обещать квартиру, пока не поняла».

Глава 4. Ангел в новом доме

В парадном входе пахло свежим деревом. Матвей выбрал тот же состав для лестницы, которым мы покрывали стол на восьмую годовщину знакомства. Я остановилась у перил, и мне пришлось напомнить себе, зачем приехала.

На втором этаже мужчина в светлом пиджаке придержал дверь монтажникам. На его правом большом пальце был узкий белый рубец.

Я знала этот рубец.

Два года назад в архиве реставрационного управления загорелась проводка. Я осталась в комнате с описями, потому что в коридоре уже нельзя было дышать. Кто-то разбил стекло в двери, отпер ее изнутри и заставил меня ползти к черному ходу. Я помнила ботинок у своего лица и ладонь, которой мне прикрывали затылок от падавшей штукатурки. После больницы я искала этого человека. В списке пожарных его не было.

— Это вы, — сказала я.

Он посмотрел на меня внимательно.

— Вероника. Как ваше плечо?

После пожара я не могла поднять руку несколько недель. Плечо болело и сейчас, когда долго работала над головой, но этот вопрос впервые за много дней не требовал от меня никакой защиты.

В архиве он сначала велел мне оставить папку. Я вцепилась в нее обеими руками: ради этих описей наша группа и пришла в старое помещение, три месяца добивалась разрешения. Он не стал объяснять, чего стоит бумага по сравнению с жизнью. Присел рядом, помог спрятать папку под мою куртку и сказал, что теперь нужны свободные руки.

Я послушалась именно потому, что он не потребовал немедленно перестать быть собой.

У черного выхода заклинило створку. Он толкал ее плечом, я пыталась поднять шпингалет. Металл обжег пальцы. Он сам взялся за шпингалет, потом разбил стекло локтем и просунул руку к наружному замку. Я помнила короткий запах горелой ткани, но почему-то не помнила его боли.

Когда мы выбрались во двор, я не сразу смогла вдохнуть. Он посадил меня спиной к стене, попросил описать три вещи, которые вижу. Я назвала его часы, ведро, рассыпанный песок. Он поправил: песок был окурками, их зачем-то высыпали из урны. Меня это так разозлило, что я наконец закашлялась.

Скорая увезла меня раньше, чем я спросила имя. Потом Матвей привез ту папку в больницу. Она была подпаленной с края, но схемы уцелели. Я неделю думала о человеке, который понял, почему нельзя просто вырвать ее из рук.

Теперь он стоял на нашей прежней лестнице и спрашивал про плечо. На рукаве не было прожженной дыры, белый рубец на пальце оставался.

— Я хотела поблагодарить. Вас нигде не нашли.

— Тогда важнее было найти, где отключается электричество.

Он улыбнулся, взял у монтажника последнюю коробку и поставил у стены. Матвей вышел из нашей бывшей гостиной.

— Вы знакомы?

— Пожар, — сказала я.

— Вот видишь. Я говорил, Арсений умеет оказываться вовремя.

Новая обивка нашего дивана была горчичной. Алиса сидела на подоконнике и листала образцы карточек. Она встала, поздоровалась так старательно, что я разозлилась сильнее, чем от возможной грубости.

Матвей повел меня к коробкам. В одной поверх книг лежала моя старая синяя кофта. Я считала ее потерянной. Надела бы вечером после душа, если бы еще имела право пройти в спальню, оставить дверь открытой, спросить, что будем ужинать.

Мне захотелось всего этого сразу, до тошноты. Не вернуть мужа навсегда — вернуть один четверг, когда он чистил картошку над пакетом и слушал, как я ругаю поставщика смальты.

— Маму надо забрать от Раи, — сказала я, чтобы перестать смотреть на кофту.

— Я звонил в центр. Все в порядке.

— В какой центр?

— Ника, не начинай здесь.

Арсений попросил Матвея помочь Алисе с коробками. Когда они отошли, он спросил, встретила ли я Яна.

— Он назвал себя демоном.

— Это верно.

— А вы?

Он не отвел взгляда.

— Ангел. Матвей попросил меня оберегать дом.

Я потрогала рукав кофты. Ткань была обыкновенной, шершавой у шва.

— От кого оберегать?

— От тех, кого он сам больше не хочет впускать.

— Он выгнал мать?

Арсений не ответил сразу.

— Он хотел, чтобы она перестала жить его жизнью. Вы знаете, насколько это тяжело. Вы восемь лет были рядом.

— Тяжело. Только сейчас она боится дверей.

— Я не выбирал его мать за него.

Я спросила, может ли он вернуть все обратно. Он объяснил: желание хозяина открывало путь, а замыкало его закрытие двери. Человек должен был присутствовать, быть названным. Арсений не вылавливал обидчиков по чужим рассказам и не подслушивал мысли. Его приглашали. Его просили.

— Значит, просто «не хочу тебя видеть» недостаточно?

— Без меня это обычные слова. Иногда очень вредные. Но обычные.

Свою власть над этой семьей он получил от Матвея. Матвей мог ее отозвать — вслух, в его присутствии, признав, что впредь сам отвечает за тех, кому открывает и отказывает. Тогда связь прекращалась окончательно: повторно назначить Арсения хранителем тех же семейных порогов было нельзя.

— Слишком многое держится на вашем бывшем муже, — заключил он. — Не берите еще и это на себя.

Он произнес «бывшем» бережно. Матвей уже несколько недель говорил это как название технического статуса.

Я хотела спросить про людей между дверями, но из гостиной позвала Алиса. Арсений повернулся на звук голоса. Он не выглядел существом, способным оставить женщину на бесконечной лестнице. И я помнила его ладонь на своем затылке лучше, чем все ночные объяснения Яна.

У двери Матвей предложил прислать коробки с рабочими. Я отказалась, потом согласилась на тяжелые: в моей самостоятельности пока не было ни автомобиля, ни здоровой спины.

— А пол? — спросил он. — Ты все-таки закончишь?

Я посмотрела на белую ткань, закрывавшую вестибюль.

— Пришли остаток сметы. Отвечу завтра.

Дома я положила синюю кофту в шкаф. Она пахла чужим средством для стирки. Я собиралась ее сразу постирать, но вместо этого села на кровать и прижала ткань к лицу.

В дверь постучал Ян.

— Не сейчас, — сказала я.

Он ушел, не спросив почему. Через минуту за стеной зашумела вода. Я сидела, пока знакомый запах не перестал различаться.

Глава 5. Последняя работа для бывшего

На следующее утро Матвей прислал два варианта дополнительного соглашения. В одном я завершала вестибюль за девять рабочих дней и получала остаток оплаты. В другом возвращала неизрасходованную часть аванса и передавала чертежи новому мастеру. Он заранее оплатил бы передачу дел.

Я проверила арифметику. Он не пытался меня обмануть, и это почему-то злило. С правильными цифрами было труднее объяснить себе, почему не хочется даже открывать письмо.

Своих денег хватало на пять недель. На кухне не было холодильника. Я собиралась купить маленький, но затем увидела полный расчет коммунальных платежей и решила еще несколько дней прожить с термосумкой.

Я взяла первый вариант.

Во дворе Ян держал открытую дверь мастерской, пока Рая протаскивала через нее раскладушку.

— У вас гости надолго? — спросила я.

— Пока до четверга. Когда сестра приедет, Лида сюда переберется. Вместе я их не поселю: обе любят лечить людей без диплома.

Рая посмотрела на мой тубус с чертежами.

— К нему идете работать?

— К заказчику.

Она не стала спорить. Мне это понравилось больше, чем было разумно.

В вестибюле отеля я сняла защитную ткань. Старый пол состоял из кремовых восьмиугольников с темными квадратными вставками. У северной стены рисунок прерывался на две ладони раньше, чем должен был. Я зарисовывала эту странность еще до развода, но тогда считала ее результатом неудачного ремонта.

Теперь я знала, что красный ромб в моей кладовке и темный квадрат здесь были из одной партии. На обратной стороне снимавшегося фрагмента стояло одинаковое клеймо мастерской.

Алиса вошла с планшетом.

— Вы сможете закончить до двадцать восьмого?

— Девять рабочих дней после доставки материалов. До двадцать восьмого запас есть.

Она проследила мой взгляд до коробок с белыми свечами и маленькими льняными салфетками.

— Здесь будет церемония, — сказала она. — И официальный показ отеля.

Я подождала, пока она решится назвать церемонию.

— Мы женимся.

Мой карандаш сломался. Глупая, дешевая драматическая подробность. Я сердито достала точилку.

— Поздравляю. Гостей через рабочую зону не пускать. Раствор должен высохнуть.

Она кивнула слишком быстро.

В полдень Матвей принес бутерброды. Два с сыром, один с рыбой — как возил мне на объект, когда мы только начали встречаться.

— Ты опять забудешь поесть.

Я не сказала, что он помнит меня выборочно. Взяла бутерброд: работа не становилась дешевле от голода.

— Мне нужны обмеры прежней служебной лестницы. Здесь есть закрытый проход.

— Все в подвале у инженера. Зачем?

— Хочу понять осадку пола, прежде чем закреплять кромку.

Это было правдой, хотя не всей. Я услышала, как удобно она прозвучала, и добавила:

— И сравнить с задней квартирой. Там тоже остатки порога.

— Делай. Только капитальные стены не трогай.

Я попросила подтвердить доступ письмом. Он поднял брови, потом достал телефон.

К вечеру на плане проявилась лестница: с моего третьего этажа она спускалась к старой бельевой на втором, поворачивала над аркой и заканчивалась у хозяйственного входа мастерской. Ее не снесли, как значилось в поздней пояснительной записке. Ее разрезали перегородками на три части.

Я сфотографировала схему. На полях рукой неизвестного человека было написано: «Проход оставить. Не закрывать до переселения».

Дата относилась к ремонту за сорок лет до моего рождения.

Дома я спросила Яна, кто тогда переселялся.

Он изучил фотографию, увеличил угол и вдруг сел.

— Не все успели, — сказал он.

— Вы их знали?

— Некоторых.

Я ждала продолжения. Он вернул телефон и попросил не снимать оригинальные плитки без предварительного осмотра.

— Это моя работа, — ответила я.

— Знаю.

Но я уже смотрела на него иначе. Между его «некоторых» и моей кухней помещалась жизнь, о которой он давал мне сведения по чайной ложке.

Глава 6. Вы меня туда отвели

В ночь на четвертый день второй ночной гость принес с собой запах машинного масла. Он был невысокий, в слишком большой куртке, с руками, привычно спрятанными от холода в подмышки.

— Воды, — попросил он.

Я налила. Он выпил, не отрываясь, потом увидел Яна.

Стакан ударился о стол. Вода растеклась под моей папкой.

— Вы.

Ян остановился в дверях.

— Федор.

— Вы меня туда отвели.

Он не кричал. Я бы предпочла крик: тогда можно было попросить тише, разбудить соседей, сделать что-нибудь понятное. Этот человек просто отодвигал стул, стараясь поставить его между собой и Яном.

— Да, — сказал Ян.

Федор ткнул пальцем в его руку.

— Еще сказали: «Держитесь ближе». Я держался. Всю лестницу держался. А вы закрыли.

Ян опустил взгляд на ожог.

— Я закрыл.

— Вы знали, куда?

— Знал.

Федор повернулся ко мне:

— Вы с ним живете?

Я ответила, что это моя квартира. Он сел у двери, не снимая куртки.

В кладовке шевельнулась тень. Показалась женщина лет сорока с короткой неровной стрижкой. На ней были мужские носки, один черный, другой серый.

— Он раньше всех водил, — сказала она. — Вы же видели шрам.

— Мила, — предупредил Ян.

— Что Мила? Меня ты не водил. Но те, кого водил, разговаривают.

Из-за ее спины донесся мужской голос:

— Воду принесли?

Ян взял кувшин и отдал Миле. Я не позволила ему уйти следом.

— Здесь сколько человек?

— Сейчас четверо, считая Федора. Мила, Артем и Николай на сухой площадке. Они не обязаны показываться вам без предупреждения. Я должен был объяснить раньше.

— И что вы раньше с ними делали?

Он говорил коротко. Выполнял распоряжения приглашенных ангелов, провожал людей за дверь, выбирал для них проход, после которого нельзя было найти выход самостоятельно. Знал, что они живые. Знал, что некоторые не доберутся до теплой комнаты. Позже ушел и начал держать об-

ратные двери.

— Почему ушли?

— Сначала потому, что больше не хотел слушать. Хорошей причины тут нет.

Мне хотелось, чтобы он сказал о приказе, угрозе, незнании. Что-нибудь, что позволило бы мне решить задачу быстро.

— Вы можете уйти сейчас? — спросила я.

— Из квартиры — да.

— И все?

— На ночь кто-то должен остаться у перехода. Пока заменить меня некому.

Федор хмыкнул. Я дала ему сухое полотенце и спросила, кто отправил его на лестницы.

— Старуха одна. Из правления. К себе позвала, бумаги обсудить. Ей вечно квитанций мало.

Я позвонила Рае. Она назвала фамилию: Полунина. Федор был завхозом дома, собирал деньги на замену стояка. Рая показала мне платежи, а Полунина, которой я позвонила с ее разрешения, прислала смету и акт о невыполненных работах. Перечисление подрядчику не совпадало с суммой, которую собирали жильцы.

Полунина не стала рассказывать, что была права насчет него с самого начала. Она назвала дату собрания, номер счета и спросила, есть ли у меня доверенность от жильцов.

— Нет. Я не проверяющий. Просто он сейчас рядом, и я

хочу понимать.

— Он опять у кого-то берет?

— У меня не брал.

— Пока, — сказала она, потом вздохнула. — Ладно. Не пока. Я не знаю, что он теперь делает. Но за наше ответить должен.

Она показала в видеозвонке сырой угол ванной. Там стоял таз. Деньги собирали почти год назад.

— Вы знаете, где он жил перед исчезновением? — спросила я.

Полунина нахмурилась.

— Он не исчез. Просто перестал отвечать.

— Вы давно его видели?

Она задумалась. На мгновение ее уверенное лицо сделалось пустым. Я узнала это выражение по Матвею: вопрос не открывал воспоминание, а заставлял искать более удобную тему.

— У него с деньгами всегда, — начала она и замолчала. — Вы мне скажите, где передать претензию.

Я пообещала дать Федору ее номер. Она попросила, чтобы он сам подтвердил адрес для переписки. Я записала и не стала спрашивать, кого она позвала в день последнего собрания: сейчас она все равно ответила бы про стояк.

Когда я предъявила это Федору, он сначала обиделся на недоверие. Потом сказал, что собирался вернуть. У него заболела жена, а фирма должна была прислать предоплату за

другой объект.

— Жена об этом знает?

— Бывшая, — поправил он и отвернулся. — Нет.

Он не сделался от этого менее замерзшим. На запястье у него был след ремня от сумки, которую он долго не выпускал. Я поставила перед ним суп из доставки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.